

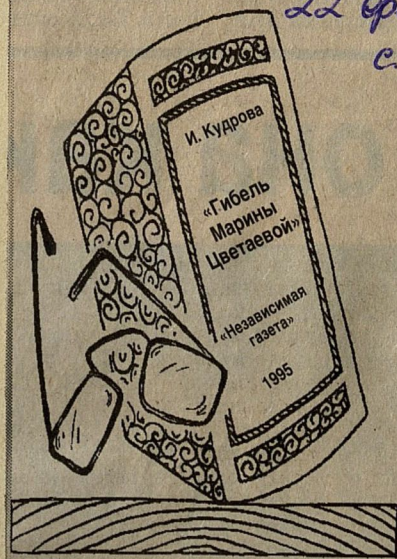
22.2.96.

Цветаева Марина

Общая гол. - 1996. -

Смертельная размолвка с бытием

22 февр. - с. 10.

Жизнь всякого поэта определяется степенью трагичности его размолвки с бытием. Она может быть любовной — как писал о себе Роберт Фрост, — или смертельной, как можно теперь сказать о Марине Цветаевой. Именно смертельная размолвка с миром — в силу какой-то магической привлекательности — заставляет исследователей эмоционального толка чаще обра-

ГИГАНТЫ

щаться к ее сути. Так случилось и в книге Ирмы Кудровой «Гибель Марины Цветаевой».

Из тех рецензий на эту книгу, которые мне удалось прочесть, некий излишний пафос всегда упоминается критиком среди первостепенных недостатков издания. Что, видимо, отчасти верно, но не совсем, я бы сказал, справедливо — ибо автор книги совершенно сознательно выбирает эмоционально-детективный жанр повествования, не забывая, однако, о строгой документальной подоплеке дела Эфрона, Цветаевой и ближайшего их окружения. В этом подходе есть доля умного выбора: по сути о Цветаевой — тем более о ее витальной катастрофе — писать беспристрастно если и не грешно, то, по крайней мере, просто неудобно: слишком много душевных сил требует эта тема, чтобы сохранять даже видимое равновесие.

В этом смысле можно лишь позавидовать спокойствию автора, который сумел тщательно проработать документальное содержание книги, тогда как сам жанр и тема, казалось бы, не оставляют нейтрального пространства. Итак: возвращение Цветаевой из Франции, темные обстоятельства, в которых замешан ее муж в связи с убийством «невозвращенца» Рейса; подмосковное Болшево, вольное заточение и — позже — аресты, аресты, аресты. Протоколы допросов. Показания эфроновского окружения — Лубянка. Московское цветаевское одиночество и постоянный страх за себя и родных. Последние дни в эвакуации — Елабуга. В сущности, книгу следовало бы назвать «Гибель Сергея Эфрона и Мари-

ны Цветаевой», поскольку едва ли не две трети ее связаны с Мариной Ивановной через ее мужа, то есть косвенно. Именно протоколы его допросов так тщательно разбираются в книге — именно его медленное «пропадание» тянет за собой домочадцев. И только третья часть — Елабуга, тоже своего рода Лубянка, где переставлены только буквы, — становится теми подмостками, где цветаевская размолвка с бытием окончательно приобретает черты смерти.

Да, вслед за Анастасией Цветаевой и другими исследователями Ирма Кудрова пытается предложить свою версию гибели: делается это, по счастью, не часто и не навязчиво, но именно с тем пафосом обвинения НКВД и режима, за который ее и упрекали. Все это в какой-то мере, конечно же, справедливо — но опять-таки не совсем точно: смертельная размолвка поэта с бытием возникает не на допросах или отчаянии, а гораздо раньше. Поэт как бы рождается с неким судьбоносным отношением к смерти, и цветаевская размолвка всегда была выше «уровня социальных крыш». Толчком к решению в данный момент может послужить предложение «органов» о сотрудничестве — но также и случайный окрик на елабужском базаре. Смерть в данном случае неизбежна и непредсказуема в своих решениях — ибо, как сказал другой поэт, внимательный читатель Цветаевой, — «никто никогда не знает, откуда приходит горе»...

Глеб ШУЛЬПЯКОВ